
Сергей СМИРНОВ

РАССКАЗЫ

ВОДОЛАЗ

Дед Чухно, опустив чисто выбритую до блеска загорелую голову, сидел на сухом березовом пеньке, оставшемся от прошлогодних дровяных запасов. Перед ним большой старый таз с отбитой эмалью по краям, доверху наполненный сваренными в крутом кипятке речными мидиями. Большим пальцем с толстым ногтем, похожим на закругленную стамеску, вытаскивал моллюска, бросал раскрытые створки в большую старую корзину, а содержимое раковины — в оцинкованное ведро. Совершал он это малопривлекательное действие ради гусей и уток, которых решил разводить после ухода с должности председателя колхоза. От мидий шел такой запах, что даже сестра Николая Оксана, женщина средних лет, такая же крепкая, широкоплечая и громогласная, с твердым характером, зажимала нос и уходила прочь.

Старик встал, с трудом разогнув спину. Это дань сырости и морским ветрам — наследство тридцатилетней службы на флоте. Он прислонился к белой стене маленького садового флигелька, в котором проживал с весны и до поздней осени, и огляделся по сторонам.

Утро в селе Батурино. Петухи, соревнуясь друг с другом, пропели зорю. Дворовый пес Серко, потягиваясь и гремя цепью, вылез из будки. Хозяйки хворостинками выгоняли скотину со двора, мычали коровы, когда выстрелом звучал кнут пастуха Игната. За старинной рощей князя Кочубея солнце подсвечивало верхушки вековых сосен...

В военкомате в Бахмаче призывнику Николаю Чухно сказали:

— Пойдешь служить на флот.

На флот так на флот... Воды не боялся, с детства хорошо плавал и нырял в быстром светлом Сейме. В водолазной школе в Балаклаве понравилось. Год учебы пролетел незаметно. Выпускные экзамены сдал на отлично. В звании «старшина первой статьи» отправился на Тихоокеанский флот. Водолазы нужны везде, где есть море и корабли. Но кроме кораблей, часто оказывал помощь в бухтах, вырезал сети, намотанные на винты рыбацких сейнеров... И каждое погружение на глубину — большой риск. А потом в крошечном трюме водолазного баркаса, отпивался крепким горячим чаем...

Потом главного старшину Николая Чухно снова перевели на Черноморский флот.

Капитан третьего ранга Никитин, начальник водолазной службы, как-то сказал:

— Слушайте, старшина, подготовьтесь-ка на офицерское звание, экзамены экстерном сдадите, опыт у вас большой, теорию знаете.

— Есть «сдать экзамены»! — ответил Николай Чухно.

Срочную он отслужил. Но к морю прикипел, хотя до службы и в глаза его не видел. Стал командиром водолазного бота.

Сергей Смирнов окончил Московский железнодорожный техникум. Публиковался в журналах «Кольцо А», «Нева», «Юность». Лауреат литературного конкурса маринистики имени Константина Бадигина. Участник и победитель российских кинофестивалей.

Белые пушистые облака, обгоняя друг друга, медленно расходятся, открывая бездну небосвода. Ветер, играя с колосьями ржи, волнами ходит над ними. А в заливе, у самого выхода в море, где глубина уступом уходит вниз, на ровном киле лежит 376-й катерный тральщик.

Он затонул, можно сказать, случайно. В конце пятидесятых тралили прибрежную зону под Керчью. Иногда появлялись сорванные со своих пьедесталов подводные мины, до этого стоящие безмолвно еще со времен войны... Прогремел взрыв. Экипаж из десяти человек спасся. Подобрали всех.

Но вот командование решило поднять 376-й и выяснить, что там уцелело. Тогда технику берегли, за каждый болт отвечали.

На боте, как и положено, два водолаза, но они срочники, без опыта. Младший лейтенант Чухно решил подстраховать их, сам проверил обстановку — слишком резкий перепад глубин. Как всегда, на манишку надели медный шлем-трехболтовку, закрутили смотровое окошко, вместо ключа надавили для надежности концом каната за закрутки, запыхтела ручная помпа. Николай Чухно спустился по водолазному трапу, проверил подаваемый воздух, нажал затылком золотниковый головной клапан, в микрофон спокойно сказал:

— Все в порядке. Пошел.

Все было как всегда. Мысленно уже знал, что и как будет делать на грунте. Несколько метров оставалось до того момента, как он должен встать рядом с тральщиком. Внезапно в правую ногу что-то вонзилось и пошло вспарывать прорезиненную рубаху скафандра. Дошло до бедра. Вроде и боли нет, будто тупой палкой ударили по ноге.

Очнулся на палубе бота. Рубаху уже срезали, бедро перетянули ремнем...

В медчасти спустя трое суток Николай Чухно окончательно пришел в себя. Оказывается, попал на отвалившийся лист стального корпуса катера, среди бурых водородов тот был незаметен, и это ржавое железо острым углом, как консервным ножом, вспоролло ногу...

Долго лечился в севастопольском госпитале. И по решению военно-врачебной комиссии в дальнейшем был комиссован, уволен в отставку с правом ношения военной формы одежды. «За безупречную военную службу» — звучало в приказе.

— Микола, — позвала сестра, — сегодня придут пионеры помочь пособирать фрукты, да и ящики надо подготовить.

У них с сестрой был замечательный сад с яблоневыми, грушевыми и сливовыми деревьями. Да еще абрикосы созревали, ягода разная на кустах... Большую часть этих спелых плодов отдавали в школу-интернат. Сушеные яблоки и груши, жирные семечки с подсолнухов, заколотив в фанерный ящик, отсылали в Заполярье сыну Чухно — Тарасу, капитану второго ранга.

Дед Чухно потерял ногу. От колена до бедра шел приметный шрам.

— А все же погоду чувствует, — усмехнулся про себя, — тоже память.

ГРЕМИХА

В рейсе обстоятельства места и времени порой имеют решающее значение. Меня, старшину второй статьи, электрика-моториста, направили для прохождения дальнейшей воинской службы в Заполярье на базу подводных лодок.

Из нас, салаг, был сформирован сменный экипаж. Лодка новая, пришла из Северодвинска уже после обкатки. А основной экипаж — ребята, ходившие в учебные походы. Да и командир вроде не новичок. Чуток разбавили нас старослужащими. Офицерский и мичманский состав с разных флотов подтянули.

Пока жили на берегу в казарме, старались познакомиться. Знать, кто с тобой рядом, с кем из плафона морскую водичку пить доведется, большое дело! Ведь в отсеке, совсем близком от экипажа, бьется атомное сердце подводного корабля, а ты на вахте отвечаешь за все это сложное хозяйство. С наступлением летнего периода обучения приняли АПЛ у основного экипажа.

Один раз сходил в учебный поход и начинаешь понимать, кто ты есть и чего на самом деле стоишь. Как говорится, на острие волны или под волной. После автономки (поход подводной лодки на полтора месяца без всплытия) понял, что с техникой на корабле нужно обращаться на «вы». Халатность — это преступление. Я еще когда в Кронштадте после учебки на атомной подводной лодке ходил, понял, что теория, тренажеры, учебные классы — это еще не все.

Был у нас один матросик Петька с Забайкалья. Охотник-зверолов и комсомолец-передовик. В жизни моря никогда не видывал. Я-то, можно сказать, родился в тельняшке, настоящий черноморский волк, горько-соленый, прокаленный белым крымским солнцем от ленточек с золотыми якорьками на бескозырке и до матросских черных хромовых ботинок. А он все по тайге бродил, сначала с отцом, после сам с артелью. Соболя, белку из карабина бил... А в технике полный профан, хоть и отучился, получил корочку специалиста. Не лежала у него душа к машинам. По тайге скучал. Рассказывал, как можно в лесу выжить, как развести правильно костер, как построить убежище, сухое и теплое, от осенних дождей, а зимой от морозов и вьюг. Лодка для него — стальной ящик без окон. Он всегда с тревогой ожидал, когда прозвучит команда на погружение. На трехсотметровой глубине со всеми механизмами, с десятками километров электрокабелей, трубопроводов не дай бог под дизель-генератором капля масла появится! Командир боевой части заставит найти, откуда эта капля. По возвращении на базу придется разобрать чуть ли не весь дизель.

Командир боевой части лейтенант Швецов однажды приказал Петьке в аккумуляторной яме осмотреть отходящие шины, протянуть контакты. Ну, он, видимо, по рассеянности гаечный ключ на банку батареи случайно уронил и отошел... Кое-что сгорело тогда, хлопнуло здорово, сила тока аккумуляторов в сумме огромная, но защита в силовом щите сработала, выбило предохранители. Парня сразу списали с корабля. Дослуживал уже в клубе моряков, кино крутил. Наш командир его выручил, от трибунала спас, мать пожалел. Отец Петьки осенью на болотах погиб, мать совсем слегла.

Раз на учениях в Баренцевом море отрабатывали учебный пуск торпед. Нас предупредили, что, возможно, за учениями будут наблюдать через бинокли американцы. Во время пусков учебных торпед-болванок, которые должны проходить под килем АПЛ, одна из них саданула по борту нашей лодки. У кока в камбузе вся посуда послетала. Тряхнуло прилично, даже вмятина во внешнем легком корпусе появилась. А когда пришли на базу в Грехиху, оказалось, что в месте удара резиновая оболочка тоже пострадала. Возможно, произошла ошибка при расчете траектории, или это американцы по нам бабахнули...

Я отслужил, домой приехал, долго гулял... Весь поселок был у меня в гостях. Долго еще красовался в дембельской матросской форме, еще и аксельбант продел под контрик через правое плечо, словно адъютант какой из бесшабашных и развеселых анархистов двадцатых годов. Клеши на черных форменных брюках собрали тогда всю пыль нашего поселка. Бескозырка еле держалась на затылке... Короче, тот еще вид был!

А после мотористом устроился на лоцманский бот. Лет пять на нем утюжил Керченский пролив. Заводили, выводили суда, совершали маневры...

Раз в высокую волну подвалил бот к «пассажиру» (пассажирское круизное судно). Борту у него высоченные, не то что у нас. Опустили штормтрап, болтается наш катер на высокой волне, никак лоцман не переберется. У нас на боте лееров нет. Когда бот в очередной раз подняло на гребень волны, я, поддерживая одной рукой лоцмана, ухва-

тился за стойку другой. Лоцман перемахнул на штурмтрап. Видимо, я замешкался, и катер стало сносить. Руку придавило, словно прессом, она угодила между бортом и поднимавшимся штурмтрапом лайнера. Если бы катер не отбросило волной от трапа, то моя «клешня» несдобровала бы. После долго лечил руку, восстанавливал работу пальцев.

Как-то вошел танкер с нефтью в залив под разгрузку. И разыгралась волна. Ветер задул переменными румбами. Танкер стало раскачивать: то бортом, то килем. И надо же ему было так встать, чтобы первая волна, пройдя под днищем, подняла корму, а следующая за ней — нос. Корпус, не имея опоры вдоль киля, подчиняясь точным и неумолимым законам сопромата, дал трещину. Нефть стала просачиваться в залив. Танкер окружили заградительными бонами. Но часть разлившейся нефти все же достигла берега. Море выплевывало на берег тяжелую, пахнущую керосином массу вместе с мертвой рыбой. Солдаты химвойск долго очищали побережье. Местное население тоже помогало...

А моя Гремиха с ветрами, гололедом и туманами теперь уже не та. Базу подводных лодок ликвидировали. После расформирования флотилии выведенные из состава субмарины дожидаются в бухте у причальной стенки своей очереди на утилизацию. Отслужив, подводники запаса получали жилье на материке. Гражданское судно увозило их навсегда. Прощаясь с поселком, офицеры отдавали честь, приложив руку к козырьку, бывшей базе, своим лодкам, на которых начинали службу с лейтенантских погон, и бросали через плечо в холодные волны фуражку с позеленевшей от соленых брызг кокардой. С пирса больше не доносилась команда: «Флаг, гюйс поднять». Не слышен осипший, простуженный рев корабельных сирен. Не отбивают склянки в сияющую, надраенную крепкими матросскими руками рынду. Только в долгие зимние ночи вместе с шумом бьющихся о бетон причалов волн доносится тоскливый и жуткий вой одичавших бездомных псов.

У ПРИЧАЛЬНОЙ СТЕНКИ

— Ну кто, скажи, говорит о море, находясь от него более чем за тысячу морских миль, — слегка развалившись на старом стуле со сломанной спинкой, с заметным крымским говорком говорил Серега, — главное, то, что море всегда со мной, даже здесь, — и обвел рукой свою торговую точку под навесом из толстой полиэтиленовой пленки.

Длинный и широкий выдвижной прилавок с немудреными «пенсионерскими» товарами: батарейками для часов, веерами, ремешками, таблетками от моли и комаров, ножичками, и ножницами, и даже, как уверял меня, вполне качественными медицинскими инструментами, за которыми приходили старшие медицинские сестры.

Я любил его слушать. Не всему верил, но морские байки о службе на подводной лодке, о длительных рейсах с заходами в иностранные порты, о тяжелой работе на кораблях меня впечатляли и надолго оставляли приятное послевкусие. А его лицо в этот момент преображалось, словно не было базарного ларька и покупателей. Перед ним, в его памяти, шумело, переливалось в нестерпимо жарких солнечных лучах живое море...

Обмахиваясь «пенсионерским» веером, Серега продолжил:

— Кореш один, я с ним долго плавал, в советское время в загранику на танкерах ходили, зовет к себе. Сейчас каким-то начальником заделался на черноморском судоходстве. Есть вакансия судового механика на танкере-бункеровщике. Масло из Кубани возить... Жара!

Стояли мы как-то у *стенки* в одесском порту. Только выгрузили соляру в береговые хранилища из танков судна. Я отпросился в город, хороший денек стоял. Капитан ушел в управление порта. Старпом отсыпался после ночной вахты в каюте. Остался

молодой штурман, как раз после окончания мореходки. Он был на вахте. И еще один молодой матросик-салажонок на штурманской палубе загорал и телевизор смотрел... Жарко было, танкер нагрелся, как утюг: выноси на палубу постиранную робу или тельники — вмиг высохнут. Вот этот вот молодой мореман-штурман и отправил в нарушение судовой инструкции салагу вахтенного за холодным пивком смотаться быстренько в город. А сам прилег вздремнуть в тени рубки. Телевизор бурчит что-то себе, под это бормотание и уснул штурман. В рубке жарко невыносимо, лампы телевизора тоже свой градус дают. Для этого с него заднюю крышку и сняли, чтоб не перегрелся. Видимо, что-то там от жары замкнуло, и *стенка*, облицованная пластиком, пошла пугаться, задымилась и вспыхнула. Огонь тут же подобрался к подволоку (нижняя обрешетка потолка), и пошло полахать...

Когда я вернулся из города, наш танкер уже отогнали от *стенки*. Весь он покрытый противопожарной пеной, будто снегом засыпали. Больше плавать на погорельце не довелось...

День на местном рынке подошел к концу. Он, выплеснул остатки чая, задвинул свой «пензионерский» прилавок, загремел амбарным замком, закрыл железную дверь палатки и отправился отдыхать в съемную комнату в этом чужом для него городе.

СУМЕРКИ БОГОВ

— Вроде новенький, а как достали уже твои вечные перекуры! — выговаривал мне главный энергетик. — Сбегай-ка лучше в «Сумерки богов», проверь потребление электроэнергии, как у них циферки на счетчиках крутятся. Заодно загляни в лабораторный корпус на первом этаже, сто первая комната, по пожарке надо глянуть, все ли в порядке...

— Да хоть сто вторая, — выплюнул я окурок и нехотя поплелся в сторону «Сумерек».

Фирма эта арендовала одно из помещений в здании нашего НИИ. Научная работа здесь давно не велась. Помещения спешно приватизировали. Дорогостоящее оборудование простаивало. А деньги делались из воздуха (за счет арендаторов) и благополучно оседали на зарубежных счетах дирекции. Но какие-то крохи еле наскребали на зарплату сотрудникам. Это еще ничего, я вот раньше трудился в бывших «Богородских банях», но поругался с начальством, они меня, электрика с третьей группой допуска, заставляли стиральный порошок с КамАЗа выгружать.

Я постучал в одну из дверей длинного, метров восемьдесят, коридора. Недоверчиво выглянула женщина в белом халате. Явственно запахло ванилью.

— Прислали проверить вашу электропожаробезопасность, — озвучил легенду.

Женщина вынужденно впустила и спешно принялась накрывать бумагой столы, за которыми трудились пожилые женщины. Я отодвинул один из столов, загораживающий проход к стальному шкафу — электрощиту с ручкой рубильника. Легкая бумага слетела с поверхности, и я невольно бросил взгляд на их продукцию. Весь стол заставлен картонными коробками с одинаковым изображением довольной девицы в купальнике на фоне фиолетового неба. В руках девица держала что-то. Я пригляделся и присвистнул:

— А это чего у вас такое?

Женщина в халате недовольно покосилась:

— Не надо скалиться. Это продукция для здоровья женщин, — серьезно осадил меня.

Я старался больше откровенно не пялиться. С деланым видом, демонстративно замерял люмины. А сборщицы знай себе буднично натренированными руками вкручивали в «дамское счастье» электромоторчики, цепляли ременную сбрую (для удобства потребителя), навешивали разноцветные «бабочки» с мягкими крылышками (для

большого удовольствия) и тут же проверяли на работоспособность с помощью пальчиковых батареек.

Я напоследок еще раз огляделся на предмет наличия средств пожаротушения. Напротив огнетушителя под индивидуальным вытяжным стеклянным шкафом сидела девушка в медицинской маске. Перед ней флакончики с яркими, растворенными в ацетоне красками. Она обмакивала тоненькую кисточку в нужный цвет и расписывала резиновые изделия, старательно добиваясь подлинного оттенка человеческой кожи, вплоть до голубоватого цвета рельефно выступающих вен и жилок. Я некоторое время заворожено наблюдал за ее действиями. В какой-то момент девушка отвлеклась, почесала кончик носика и снова, натянув маску, углубилась в творческий процесс.

Строгая женщина в белом халате оказалась мастером ОТК. Она проверяла (не на себе, конечно) на прочность, эластичность, возможность и наличие механических разрывов, точность подбора необходимого цвета.

Вторую комнату, которую мне также надлежало инспектировать, фирма занимала под цех по изготовлению. Все так же неохотно, скрепя сердце мне отперли дверь в святую святых. Запах горелой резины вперемишку с аммиаком тут же ударил в нос. С непривычки закружилась голова. Но работникам, двум здоровым лбам в майках и трениках, было не до меня. Не обращая ни на кого внимания, поминутно вытирая раскрасневшиеся лица, заливали в кассеты жидкий разноцветный латекс, затем накидным ключом закручивали крышки. И пресс-формы торжественно отправляли в термостат, из открытой дверцы которого струился синеватый дымок ядовитого газа. Втянувшись в зонт вытяжки, через систему вентиляции без всяких фильтров он моментально вырывался на уличную свободу и растворялся в атмосфере города. А прохожие, ничего не подозревая, вдыхали случайную порцию отравляющих веществ и топали по своим делам дальше.

— Не, хлопцы, вы здесь за деньги здоровья лишаетесь, а я задарма эту гадость нюхать? Никаких «бабочек» уже не захочешь, — плюнул на свою инспекцию и поспешил убраться.

А те лишь посмеялись мне вслед и продолжили как ни в чем не бывало отвинчивать гайки, вынимать изделия и остужать их в ванне с отбитой эмалью, где еще недавно, кажется, замешивали цементный раствор.

В отличие от полулегальных «Сумерек» дверь в сто первую открывалась легко и просто, стоило лишь на ручку нажать. Никого не надо выпрашивать, выстаивать, дожидаться... И никто в глазок не высматривает.

Здесь тоже ванна. Причем целых три. Они стоят на возвышениях, сложенных из камня и облицованных плиткой. Оператор маканых изделий — старушка Валентина Ивановна, долгожитель местного производства (знающие люди ее ласково именуют Валюшей), тоже работает с латексом. Она опускает в него подогретые алюминиевые модели человеческих рук и тут же, обмакнув, выдергивает из застывающей массы. Набрав таким образом несколько «конечностей», помещает в термостат немецкого производства. Щелкают электроключи, завывает вентилятор, равномерно разгоняя внутри камеры горячий воздух, и процесс пошел...

Через некоторое время Валюша извлекает готовые провулканизированные перчатки для скафандров космонавтов. Каждая такая пара — множество индивидуальных обмеров и подгонов под кисть руки.

Я присел за стол и начал заполнять журнал по технике безопасности. Под стеклом увидел групповое фото космонавтов с подписью на английском языке.

— А это кто такие? Вроде не наши будут? — спросил у Валюши.

— Это американские астронавты. Те, что первыми на Луне побывали. Видишь подпись Армстронга? Я им перчатки по готовым пресс-формам отливала. Фото на па-

мать, — и, потряхивая ситом, стала засыпать тальком (видимо, для предотвращения слипания) какие-то большие бесцветные шары.

— А что это за мячи? — указал на них.

— Это геофизические зонды для исследования атмосферы Земли и температуры над ее поверхностью.

— Интересно! — восхитился.

Валюша с грустью вздохнула:

— У нас тут и игрушки резиновые раньше изготавливали (олимпийского мишку здесь придумали), маски для подводников, моноласты для пловцов, — и протянула маленький прозрачный пакетик, — а это «Изделие № 2». Опытной партией выпускают. Бывают даже в форме зайчиков с длинными ушками. Раньше наши ребята за ними охотились, у гаишников вместо штрафов шли на ура...

Я поблагодарил за презент.

— Ну все, закругляйся со своей писаниной, — поторопила меня, — мне макать надо, пока латекс не свернулся, а он у меня высший сорт, в Бразилии и Малайзии закупает.

Заглянул я по все той же своей надобности и в медицинскую лабораторию. Здесь витали совсем другие запахи, специфические, «медицинские», а в коробки вместо фаллоимитаторов упаковывали каких-то «медуз».

— А это что у вас? — поинтересовался у заведующего тоже в белом халате, но более благожелательного и расположенного к разговору, чем мастер ОТК из «Сумерек».

— Импланты женской молочной железы, — ответил он.

— А эти штучки? — показал на предметы странной формы под стеклянным колпаком вытяжного лабораторного шкафа.

— Импланты человеческих лицевых косточек, вживляемых вместо утраченных после автомобильных катастроф...

И так далее.

В цехе опытного производства, куда меня тоже загнали, грохотали и пыхали жаром сапожные и туфельные прессы. Возле них «колдовали» операторы в брезентовых фартуках. Большие, отполированные до блеска цилиндры сжимали, прокатывали до нужной толщины сырую резину. Она медленно и как бы нехотя проползала, ныряя между вращающимися валками, громко шелкая воздушными пузырями. И после этой «пытки» покорно укладывалась на ленту транспортера.

При разогреве резиновой массы выделялся отравляющий иприт, и вальцовщик или каландровожатый, всякий раз наклоняясь над валками, чтобы специальным ножом поправить сбивающееся тягучее глянцевое полотно, вынужден был вдыхать его.

Начальник этого цеха подарил мне тяжелую полицейскую палку.

— Это «демократизатор», — посмеялся он, — только что с пылу с жару изготовили на шприц-машине.

Шприц-машина напоминала старинную мортиру, из разогретого сопла которой черной бесконечной змеей выползала сырая, требующая вулканизации резина...

В отделение черного крашения я не отважился идти. Там ад крошечный. В облаке взвесей работники составляли первичную рецептуру из каучука черной и белой сажи с добавлением минеральных масел. Потом эти компоненты загружали в резиносмеситель. И шнек стальными челюстями при нагреве все перемалывал и смешивал.

Окончательно вымотавшись, порядком испачкавшись в вездесущей саже, я вернулся в свою электромастерскую и снова закурил.